

Сяо Чжоцин бросил взгляд искоса: двое молодых кандидата наук сидели рядом.

Тот, что говорил, жестикулировал так, будто играл в загадки на пальцах, и, быстро прикидывая что-то по рукам, разложил по полочкам расценки на должности во всех столичных ведомствах.

Его собеседник, некто по фамилии Ван, явно был возмущен до глубины души.

– Разве можно так торговать государственными должностями? Сам император на троне, неужто в стране больше нет законов?

Первый только усмехнулся, словно услышал презабавную шутку.

– Император? Какой еще император! Его Величество уже десять лет не появлялся при дворе. Разве ты не слышал? С тех пор как десять лет назад императора до полусмерти перепугали, он свихнулся. До сих пор ходит мрачный, злой, слова из него не вытянешь, какая уж тут учеба! Раньше хоть наставник Цзян был, но в прошлом месяце и он подал в отставку по возрасту. Нынешнему государю и вовсе учиться некогда – откуда тут взяться императору?

Тот помолчал немного и тяжело вздохнул.

– Чей ныне Великий Шан под небесами, брат Ван неужто не знает?

На этом оба замолкли и невольно подняли головы.

В самом конце золоченого зала, на возвышении среди резных драконов, молча возвышался величественный трон.

Но ровно в полушаге от него стояло массивное кресло из ценного благовонного сандала цвета цзянсян.

Тысячи свечей заливали дворец дневным светом, а длинная тень сандалового кресла, подобно

пасти гигантского зверя, нависала над драконьим престолом.

Тот, кто только что так много говорил, вдруг умолк, а брат Ван крепко сжал кулаки.

– Узурпаторы правят из тени, торгуют чинами! Где же это видано, чтобы творилось такое беззаконие?!

Его друг от страха едва не лишился чувств и судорожно зажал ему рот:

– Брат Ван, ты рехнулся? Разве можно разбрасываться такими словами!

– Какими такими словами?

Вдруг из-за соседнего столика донесся неторопливый голос.

Сяо Чжоцин скосил глаза и увидел, что совсем неподалеку от него восседает тот самый лучший выпускник: в головном уборе с золотым османтусом, с заносчивым взглядом и всем своим видом излучающий надменность.

– С... вундеркинд Ши, – сидевший ближе к нему тут же узнал его и поспешно сложил руки в поклоне.

Сяо Чжоцин тоже знал этого человека. Ши Сюцзе – боковая ветвь рода второго министра господина Ли, знаменитый на всю столицу вундеркинд. Этот человек в три года начал постигать грамоту, в пять слагал стихи, в восемь прославился на всю столицу своими рассуждениями о государственных делах, а в пятнадцать сдал экзамен на провинциальном уровне.

Ши Сюцзе даже достаивать взглядом его не стал:

– С каких это пор ты стал называть меня вундеркиндом?

– Прощу прощения, молодой господин Ши, этот ничтожный потерял лицо. Просто талант молодого господина столь широко известен, что этот недостойный всем сердцем восхищается...

– Я спросил, о чем вы тут болтали, – лениво протянул Ши Сюцзе.

Кандидат наук затрясся от страха.

Кто же не знал, что Ши Сюцзе давным-давно напросился в ученики к князю Сянь? Все эти годы Ши Сюцзе грыз гранит науки в резиденции князя Сянь, князь относился к нему как к родному сыну, и он был преданным человеком князя от мозга до костей!

Как можно было позволить Ши Сюцзе услышать то, что только что ляпнул брат Ван?

– Эти речи к господину Ли никакого отношения не имеют.

В этот момент тот, что звался Ваном, выпрямился во весь рост и чеканно произнес:

– Я говорил лишь о том, что под небесами нет...

– Подумаешь, какая-то чашка.

Внезапно Сяо Чжоцин неторопливо подал голос.

Он повернулся. На его ладони покоилась чашка из печи Дин с переливчатой глазурью цвета пурпурных бегоний – изысканная и дорогая, – на фоне которой его пальцы, словно бамбуковые побеги, казались еще белее, напоминая просвечивающую нефритовую резьбу.

Он обвел взглядом присутствующих и устремил взор на кандидата наук по фамилии Ван, который выглядел так, будто через секунду собрался героически шагнуть навстречу гибели.

– Под небесами действительно не сыскать цветного фарфора из печи Дин, так что незачем вам обоим клясться впопыхах да еще тащить дворцовую утварь на экспертизу.

Его глаза были холодны и чисты, как янтарь; стоило ему лишь взглянуть, как любой, даже самый безумный пыл мгновенно остывал.

Кандидат наук по фамилии Ван на мгновение замер и медленно закрыл рот.

Однако Ши Сюцзе ему не поверил:

- С чего это мне слышалось, будто вы тут о князе толкуете?

Сяо Чжочин бесстрастно посмотрел на него:

- Вы ошибаетесь.

Кандидат наук по фамилии Ли замахал головой так резво, будто это был погремучный барабан, а его друг, бросив взгляд на Сяо Чжочина, тоже молча проглотил слова.

Ши Сюцзе на самом деле ничего толком не расслышал.

Но он привык почивать на лаврах чужой славы, да еще за его спиной стоял князь Сянь – даже если он ошибся, он с легкостью мог выдать черное за белое.

Лишить жизни двух нищих кандидатов наук для него было плевым делом, всего пара слов.

Вот только как назло, тем, кто сидел напротив него, оказался именно Сяо Чжочин.

Ши Сюцзе прославился в юности лишь потому, что в те дни на свете еще не было Сяо Чжочина; звался вундеркиндом тоже лишь потому, что Сяо Чжочин не тратил время на Четыре книги и Пять канонов. Год за годом он изнурял себя учебой ради сдачи экзамена на кандидата наук, пока слава вундеркинда не превратилась в насмешку, но именно в тот год, когда он наконец сдал экзамен на чжуаньюаня, Сяо Чжочин ради какой-то шутки тоже решил попытать удачи и стал его товарищем по списку.

Он занял первое место, а Сяо Чжочин – третье, и все лишь потому, что лицо Сяо Чжочина оказалось слишком красивым.

Иными словами, сам он звался вундеркиндом лишь потому, что был старше Сяо Чжочина; а чжуаньюанем стал лишь потому, что выглядел уродливее Сяо Чжочина.

О, небеса! Раз уж родился Чжочин, зачем было рождать Ши Сюцзе?!

После короткой паузы Ши Сюцзе с презрительной злобой процедил:

- Молодой господин Чжочин, до чего же вы любите совать нос в чужие дела!

Второе имя «Чжочин» Сяо Чжочину пожаловал сам покойный император. В свое время пара его экспромтом брошенных строк прогремела на весь мир, вызвав у покойного императора бурный восторг, и тот лично выбрал эти два иероглифа в качестве его второго имени – неслыханная, уникальная в своем роде честь.

Из уст Ши Сюэзе это звучало так ядовито, что сводило зубы.

Сяо Чжочин не понимал, откуда в том столько желчи, и парировал вопросом:

- Разве брат Ши не занимался тем же самым, вмешиваясь в беседу друзей?

- Ты...

Ши Сюэзе в ярости хлопнул по столу. Но прежде чем он успел сорвать злость, евнух у входа в залы громко провозгласил:

- Прибыл князь Сянь!

Зал на мгновение замер и погрузился в абсолютную тишину.

За пределами зала выстроился эскорт, многократно превосходивший по пышности дозволенные удельному князю правила. Придворные чиновники один за другим поднялись со своих мест и попадали на колени, воздавая почести, словно самому императору.

- Тысячелетия здоровья князю Сяню!

Под эти громогласные возгласы Сяо Чжочин вместе с остальными кандидатами наук поднялся на ноги и последовал всеобщему примеру, склонившись в поклоне.

Преодолев ступени под взорами сотен сановников, князь Сянь уселся в то самое сандаловое кресло перед троном и лишь после этого с мягкой улыбкой произнес:

- К чему такие церемонии, господа? Прошу, поднимайтесь и занимайте места.

Когда Сяо Чжочин выпрямился, многие чиновники все еще валялись ниц, не смея поднять голов. Подняв глаза поверх рядов высокопоставленных сановников, он встретился взглядом с насмешливыми глазами князя Сянь.

Приходясь дядей царствующему императору, князь Сянь уже приближался к пятидесяти годам.

Лица представителей рода Фэн отличались суровостью и правильными чертами, и князь не был исключением: борозды лет легли на это волевое лицо, а черная окладистая борода струилась до самой груди.

Облаченный в багровое парадное облачение удельного князя с вышитыми на кругах четырехпалыми летающими драконами, он восседал в кресле тайши так уверенно, что казалось, будто самого трона позади него вовсе не существует.

Сяо Чжоцин опустил ресницы, отвесил легкий поклон и под все более довольным взглядом князя Сянь чинно занял свое место.

– Разве Его Величество еще не пожаловал? – спросил князь Сянь.

Кто-то из сидевших в первых рядах чиновников тут же подобострастно ответил:

– С тех пор как наставник Цзян покинул столицу, Его Величество предавался лишь детским забавам и вечно прячется от всех.

Князь Сянь вздохнул, взмахнул рукой и произнес:

– Этот князь погряз в государственных делах, но вам тоже следовало бы проявлять больше усердия и как следует увещевать Его Величество.

– Слушаем и повинuemся, Ваша Светлость! – снова грянули дружные возгласы.

– Что ж, раз Его Величество не изволил явиться, тогда...

– Бах!

Внезапно тяжелые створки парадных дверей содрогнулись от удара снаружи, заставив всех придворных чиновников вздрогнуть от неожиданности.

Сяо Чжоцин поднял глаза и увидел, что застывший у входа почетный караул и стража валяются на земле сплошным пластом.

Сквозь медленно распахнувшиеся двери он узрел молодого правителя.

Фэн Юаньси.

В полумраке вечерних свечей, облаченный в парадное облачение с императорской короной, половина его лица тонула во тьме.

Тяжелый глухой звук издал один из гвардейцев князя Сянь, охранявших вход.

Отброшенный ударом о створку двери, он с размаху врезался в золотой порог и, когда поднялся, все его лицо было залито кровью.

Напугав князя Сянь столь дерзкой выходкой, несчастный стражник не смел издать ни звука и лишь остервенело бился лбом о пол, вымаливая прощение. А молодой император позади него с абсолютным безразличием занес ногу, перешагнул через порог, затем через поверженного волю человека и, словно вокруг не было ни души, направился напрямик к драконьему трону.

Черные как ночь императорские одежды переливались золотым блеском в сиянии огней, а под широкими, волочащимися по полу складками скрывалось худощавое и хрупкое тело юноши.

Он шел твердым шагом, и украшавшие его корону жемчужины издавали чистый, звенящий перестук. В огромном зале стояла такая тишина, что было слышно, как падают капли, и каждый его шаг звонко отдавался эхом.

Под императорской короной Сяо Чжоцин не мог разглядеть лица юного императора – ему были видны лишь острый подбородок и мягко очерченные, бледные губы.

Разминувшись с ним среди множества застывших людей, юный государь прошел мимо. В тот миг, когда качнулись подвески его короны, Сяо Чжоцин успел заметить пару безумных и мрачных фениксиных глаз, затаившихся в тени бровей.

Неужели Его Величество и впрямь лишился рассудка?

Как мог человек, десять лет страдавший безумием, в одночасье собственноручно зарубить князя Сянь, а затем с обагренным кровью мечом яростно встать у вод Ешуй, не позволив мятежным войскам Ван Юаня продвинуться ни на дюйм?

Фигура юного императора удалялась. Взгляд Сяо Чжоцина, полный глубоких раздумий, скользил по его выступающим позвонкам, словно он пытался разглядеть собственный путь сквозь густой туман.

В отличие от недавнего появления князя Сянь, при восшествии этого монарха на трон ни единый чиновник не пал ниц.

Люди переглядывались, воровато косясь на князя Сянь.

А сам государь с видом полнейшего презрения ко всему сущему уселся на высоком помосте, взял крупный фрукт гамбо, с сухим треском разломил его пополам и откусил кусок.

– Хрусь.

Под этот хруст, с которым Фэн Юаньси уплетал угощение, князь Сянь разгладил складки на лбу и громко рассмеялся.

– Раз уж Его Величество проголодался, пусть трапезничает первым! – улыбаясь, он поднял бокал. – Господа, занимайте места, этот князь от лица Его Величества выпьет со всеми вами!

Раненых стражников у входа спешно утащили, створки дверей снова затворились, и ночной пир зашумел с новой силой.

Здравицы, кубки вина, величественная и торжественная придворная музыка, ослепительные танцы.

Сяо Чжоцин пил в одиночестве, не стремясь выслужиться перед кем-то, как это делали остальные.

Он знал, что род Сяо принадлежит к числу чистых и возвышенных семейств, а его отец и дядья славятся как несравненные вольнодумцы и эстеты. То, что он явился сюда сегодня, уже стало для князя Сянь достаточной неожиданностью, и если бы он предпринял хоть малейшие лишние шаги, это лишь навлекло бы на него подозрения.

Поэтому он остался сидеть на своем месте. Когда к нему подходили пообщаться, он отделялся дежурными фразами, а на то, как толпы сановников и кандидатов наук ватагами отправлялись возносить здравницы князю Сянь, смотрел так, будто их не существовало.

Лишь изредка, поднимая взгляд, он поверх пестрой толпы у кресла князя Сянь бросал взор на императорский трон в дальнем конце помоста.

Его Величество доел грушу, а затем осушил половину кувшина вина. Блюда на его столе непрестанно менялись, но казалось, у него не было никаких предпочтений – он ел всё, что перед ним ставили.

Гремел праздничный пир, весь зал тонул в шуме и гамме голосов, но рядом с ним находился лишь один сгорбленный хромой старый евнух.

Его звали Ло Хэюй, некогда он был главным евнухом-секретарем при покойном императоре. После смерти государя он последовал за нынешним хозяином: должность осталась прежней, но давным-давно никто при дворе уже не воспринимал его всерьез.

В конце концов, раз уж император болен и не способен править страной, даже самый ничтожный евнух во дворце не станет ставить его ни в грош, не говоря уже о тех, кто прислуживает ему самому.

Сяо Чжочин погрузился в раздумья, рассеянно вертя в пальцах краешек чайной чашки.

Подняв глаза вновь, он с удивлением обнаружил, что трон пуст.

Совсем... пуст?

Сяо Чжочин остолбенел: император, который только что сидел там, вкушая яства и вино, словно растворился в воздухе, исчезнув в никуда.

<http://bllate.org/book/18810/1865673>